

Юрий Нагибин

КОНЕЧНО, я в шутку дал такое название своей рецензии на фильм С. Шустера «Канувшее время». Но шутка состоит лишь в том, что я воспользовался одним из самых распространенных, глупых и подлых штампов темных дней нашей многострадальной Родины. Понятие «вредный» в отношении произведений искусства прошло через все периоды нашей истории: культ личности, волюнтаризм, застой и пропало лишь с наступлением перестройки. И вот я его экзгумирую.

Интересно, что ныне клише тех лет, либо не имевшие смысла, либо имевшие смысл противоположный прямому значению слова, сейчас получают право на гражданство. Мы знаем, что врагами народа называли вовсе безвредных людей, а чаще тех, кто составлял славу нашей Отчизны: Флоренского, Мандельштама, Вавилова, Мейерхольда, а теперь этот термин оживает и наполняется содержанием, если говорить о героях командно-бюрократической системы, о многих пенсионерах союзного значения или об активистах сталинизма, боевиках патриотического движения и иже с ними.

Инженерами-вредителями называли всех представителей научно-технической интеллигенции, которых Сталин почему-либо хотел уничтожить, в частности, группу выдающихся инженеров во главе с блестящим Рамзиным, а ведь создание искусственного дефицита — это настоящее вредительство. Наконец «вредный» применялось к творчеству лучших композиторов — Шостаковича, Прокофьева, Мясковского, лучших художников — Шагала, Малевича, Древица, лучших писателей — Платонова, Ахматовой, Зощенко, гениев театра и кино — Мейерхольда, Таирова, Эйзенштейна, Довженко.

Искусство не бывает полезным и вредным, оно бывает искусством и не искусством. Настоящее искусство всегда нужно, даже если оно противоречит господствующей идеологии или идеологии той части общества, которая считает себя — пусть справедливо — прогрессивной. И в этом меня не разубедит авторитет лучшего поэта первой эмиграции, замечательного критика Георгия Иванова, писавшего о романе М. Алданова «История», что эта «книга принесет больше вреда, чем пользы, и вред этот вред ли испугает ее художественные достоинства». Нет, на всем, что есть истинное искусство, лежит свет божий, и никакого вреда от него быть не может.

А вот произведения «не искусства» или «около искусства» могут быть нейтральны, полезны и вредны, если соотносить их с плодотворной идеей времени. Об эстетическом воздействии таких произведений говорить не приходится, но они могут помочь душевной ориентации человека в сложных вопросах действительности, облегчить выбор позиции, укрепить, а может, и дезориентировать, сбить с панталыка, завести в тупик. В применении к нашему времени произведение полусистема полезно, если оно помогает несчастному народу перестать быть рабом, войти в достойную нравственную жизнь, вредно, если толкает назад, в крепость мертвых догм.

ВРЕДНЫЙ ФИЛЬМ

И не надо ссылаться на плюрализм, на право собственного мнения, не надо брехать мелкой монетой демократического слабоволия. Наша новорожденная рахитичная демократия, едва проклюнувшись, попала на удочку опытных демагогов, душивших страну семьдесят лет, но при первом же слабом вее опасности для своей власти завопивших, что им зажимают рот, не дают трибуну и где же ваш хваленый плюрализм? А плюрализм сегодня в том, чтобы заговорили те, у кого все эти годы был зашит рот, а не продолжали трещать старые горлопаны, забывая нам уши болтовней. Мы знаем все, что они могут сказать, хватит.

И когда я сталкиваюсь с произведением околосистема, льющим воду на старую гнилую мельницу, я называю его вредным, как ни противно всем нам это определение.

Со Сталиным и сталинизмом надо раздаться до конца, иначе мы не двинемся вперед. Надо искупить прошлое, для этого надо его знать — старая, но живая истина, не усвоив которой, мы ничего не достигнем в наших лениво-судорожных усилиях вернуть себе человеческое лицо. Цветом времени должно стать дауединство покаяния и возмездия, да, да, возмездия, ибо без него не будет полного очищения. Тем более что те же хитрецы, что повернули на себя плюрализм, предоставили покаяние или вовсе безвинным, или виноватым лишь по собственному высокому душевному счету, а сами преступно виновные хихикают в кулак. От возмездия они оградились, внушив нашей простодушной демократии священный ужас перед мстостью, новым кругом насилия. А речь идет вовсе не о казнях — о всенародном признании вины, хотя где сказано, что справедливое, по закону, наказание безразлично?

Если режиссер сегодня берет заставить политический фильм о том проклятом времени, с которым мы до сих пор не можем расстаться, то работа его должна служить целям прозрения, покаяния и возмездия, иначе он предложит обновляющемуся обществу причастие дьявола.

ТЕПЕРЬ по существу. Меня, признаться, совсем не занимает, соответствует фильм С. Шустера роману Александра Бека или нет. Это не играет никакой роли. Тем, кому хочется еще раз насладиться прозой Бека, надо взять роман и перечитать его. Кино — другое искусство, оно творит свой мир, отталкиваясь от литературы. Я давно читал роман — в пору его запрежения, тогда он произвел на меня сильное впечатление. Сейчас я его несколько подзабыл, но одна сцена запомнилась так, будто ее «вели нарезом по сердцу моему». Это то решающее место, где Сталин заставляет Тевосяна (исторический прототип Онисимова) предать его друга и покровителя Орджоникидзе. Это сломало его, и всю последующую жизнь томился он под гнетом своего предательства.

Таким образом, писатель рассказывает нам историю тяжело виноватого человека. В фильме этой ключевой сцены нет, нет и другой — моральной идентичной. Ибо это противоречило бы

всей направленности фильма: дать пример рыцарской преданности вождю одного из железных сталинских орлов — наркомов — творцов нашей великой индустрии.

Хорош, всем хорош шустеровский герой: и собой молодец, и за друзей, над которыми нависло, заступаетея, и сам на себя доносит — не могу принять новое назначение — сводный брат сидит.

— Но вы же не разделяете его взглядов? — добро и пронзительно спрашивает Сталин.

— Нет.

А зря — брат наверняка такой же твердолобый сталинист, просто на него пал жребий.

А с каким достоинством принимает он хрущевскую опалу и до гроба остается верен памяти вождя, даже портрет его со стены кабинета не снял, что смущает не столь принципиальных окружающих.

Ничем не проймешь нашего героя: ни гибелью друзей и брата, ни колю-

чей проволокой вокруг металлургической новостройки, ни правдой о сталинских застенках и лагерях. Он верен Сталину.

Что ж, такие люди есть. Эта верность может стоять на клиническом идиотизме, на непроходимой тупости, глухой ко всем доводам, на человеконенавистничестве, цинизме, которому импонирует сильная, беспощадная власть, а на жертвы плевать с высокой горы, вообще на всем том, что заложено в существе фашизма. Тогда есть основа для сатиры, гротеска или абсурдистского зрелища в духе Ионеско или Мрожека. Но фильм Шустера — это добродетельный соцреализм, с вполне бытовыми интонациями, автор не видит уродства поведения своего героя, любит его, низводит апокалипсис до школьной прописи.

Очень любопытно препарирован для целей фильма Сталин. Его нет среди действующих лиц, только его голос, а присутствует он сам в хронике тех лет. Вот он с примерным терпением выдерживает иступленную овацию аудитории. Сталина умели снимать — рябой рыжий захудалец выглядел горным орлом. И с каким достоинством принимает он неистовство захлебнувшейся в верноподданническом холустве толпы! Другой на его месте был бы смехом, а Сталин — ни чуточки.

А я помню эту хроникю, когда она только появилась, и выглядел Сталин не величественно, а весьма противно. Секретарь МК Хрущев привез его на встречу с избирателями. Казалось бы, естественное дело — кандидат в парламент встречается со своими избирателями. Но Сталин, презирая в душе и этих несчастных людей, и тот смехотворный орган, которым он декорировал свою деспотию, с обескураживающей бестанностью стал уверять, что Хрущев насильно затащил его сюда, а ему тут и делать нечего. Кончил же самовосхвалением, как всегда, в третьем лице: «Ваш товарищ Сталин вас не подведет!».

Этих кадров в картине нет, они могли бы омрачить светлый образ.

Еще Сталин показан на трибуне Мавзолея и в гробу — трудно сказать, где он более величествен.

Есть еще одна сталинская сцена без Сталина. Тевосян — Онисимов приезжает по вызову в Кремль, и вдруг в последний момент ему отказывают в приеме. Секретарь довольно любезно сообщает об отказе в аудиенции и передает извинения вождя. Но тот все равно безутешен, хотя мужественно скрывает свое потрясение. Вечером ему на квартиру звонит Сталин, который, видимо, места себе не находил, что проявил столь не присущую ему невежливость, и вторично приносит свои глубочайшие извинения. Вот какой это вежливый, воспитанный, внимательный и окружающим человек!

Сталин в бытовом поведении был хамом, это общеизвестно. Достаточно вспомнить, как он обошелся с Крупской, женой столь высокочтимого Ильича. О невоспитанности, грубости Сталина подробно пишет его бывший секретарь Баженов. Мне довелось по-родственному узнать Ивана Алексеевича Лихачева, человека, близко стоявшего к Сталину. При всем его почитании вождя он не раз жаловался на его неоправданную грубость, подчеркнуто неуважительное отношение к преданным ему людям. Но Сталину был присущ черный юмор, он мог проявить издевательскую вежливость, после чего счастливо оставалось, как чеховскому чиновнику-чишину, прийти домой и умереть. Только не

надо ссылаться на то, что такой звоном Сталина действительно был, в большом хозяйстве всякое бывает, но это не отвечает ни поведению, ни характеру Сталина.

Но ведь не за этот сомнительный жест вежливости так предан Сталину герой фильма. Глубинная причина выясняется в его разговоре с академиком-металлургом Челышевым, которого на отходах своего обаяния и ленивых штампах играет Евстигнеев.

— Сталин меня спас, — говорит Тевосян, имея в виду, что с ним не расправились в тридцать седьмом году, когда посадили его сводного брата.

СЕЙЧАС любят ни к селу, ни к городу употреблять слово «эпицентр», путая это понятие с «центром». Но в данном случае оно применимо. Эпицентр лжи фильма в этой фразе. Выходит, жизнь ничему не научила Тевосяна, он продолжает считать, что репрессии происходили вовсе не по воле Сталина, а присоками таких плохих людей, как Ягода, Ежов, Берия и прочие? Это они, безобразники, учинили всесоюзный террор, а добрый Сталин с риском для себя спас его от расправы. А ведь разговор происходит в раз-

на Тевосяна, проще — оклеветал его. Конечно, все мы отлично знаем, как добывались подобные признания. Но Тевосян потрясен, словно невинная девочка, впервые услышавшая, что ее не в капутке нашли. В контексте фильма совершенное предательство лишает несчастного права судить растоптавшую его систему. А Тевосян может сказать словами старого анекдота — опять эта проклятая неизвестность!

А по жизненной и нравственной правде после этого разговора Тевосяну следовало бы сорвать портрет Сталина со стены кабинета. Такой жест не в намерениях автора фильма. Я говорю «автора», а не «авторов» — в титрах нет имени сценариста. Вызывает уважение поступок Анатолия Гребнева, снявшего свое имя.

У Ивана Алексеевича Лихачева в отличие от героя фильма был грех перед Сталиным. Это не тайна, об этом можно говорить. Он был пойман на очковирательстве в бытность свою наркомом машиностроения. Раскритичил на весь свет о первом советском малолитражном автомобиле, которого и в помине не было. А имелся опытный образец, соб-

ДЛЯ чего все-таки одаренный, опытный и очень умный режиссер поставил этот фильм? Может быть, его увлекла мысль показать достойный, неоскариатуренный образ вождя, дать, так сказать, урок хорошего тона многочисленным его разоблачителям? А кому это нужно, кроме Нины Андреевой? Мы все достаточно хорошо помним божественные черты, глядевшие со всех стен, с пустых витрин магазинов, с освещенного прожекторами неба, и даромо знаем, что за художническим марафетом скрывалась волящая пасть убийцы и насильника. Или же Шустеру казалось, что в сопереживании его без лести преданного Сталину героя обретается некое очищение? Уж больно наивно. Герой не прошел через кризис, не искупил сердечной мукой свое долгое заблуждение, рак легких — не катарсис. Или Шустер хочет воскресить средневековый кодекс преданности своему сюзеру, преданности вопреки всему?

Не надо заигрывать со Сталиным. Его трон не только не опрокинут, но почти не поколеблен. А что если удачливый коллекционер, ценитель прекрасного, знаток живописи и антиквариата, так долго стоявший в стороне от бурных игр времени, возмуждал политической карьеры?

Фильм «Канувшее время» из числа тех явлений, что мешают нашему освобождению от кошмара прошлого. Говорят, кинопрокат от него отказался. Хорошо, коли так. Конечно, прокатчиков отпугнула не его суть, а его скука. Но в данном случае посыл не важен, важен результат. И все-таки его смотрят там и сям. Значит, о нем нельзя умолчать.

Что же касается самого С. Шустера, то я к нему со всей душой. Он деботировал в художественной кинематографии хорошим, строгим фильмом «Пристань на том берегу» по моему сценарию, главную роль отлично играл С. Любшин. С ним меня жизнь больше не сводила, но я люблю его как прекрасного актера. С Аликом Шустером мы не раз преломляли хлеб и поднимали чарку. Я ценю его и уважаю и верю в его дар. Мне тяжело было писать эту рецензию. Но время серьезное, игра идет не на орешки, на войне как на войне.

Рисунок Януса Несслера.

Фото В. Школкина.